

«Если не поставят красного бюста» — новое создание Яна Фабра не может не впечатлить / ОЛЬГА КАБАНОВА / ВЕДОМОСТИ

Искусство прежде всего

Старейшая европейская художественная ярмарка Brussels Art Fair демонстрирует стабильность арт-рынка, верность традициям и интересам коллекционеров

Ольга Кабанова
ВЕДОМОСТИ

Брюссельская BRAFA — ярмарка очень буржуазная, лет ей за 60, большинство галерей арендуют на ней стенды много лет, так что список претендентов на участие также год от года мало меняется, а у антикваров и наполнение стендов вполне предсказуемо. Что же до современных художников и классиков XX в., то в этом секторе ротация заметна и прошлогодние герои легко уходят в тень. Так что и без новостей Brussels Art Fair не обходится. В этом году участников на ней 132 из 16 стран, в основном это галереи западноевропейские, прежде всего французские, бельгийские и голландские.

Искусство здесь представлено разное — от археологических древностей до самого современного, от ювелирного до букинистического, от мебели до фарфора, но обязательно с хорошим провенансом, ничего сомнительного ни по происхождению, ни по качеству. А заметное присутствие среди привычного антиквариата и старой европейской живописи африканских скульптур и масок — дорогое наследие бельгийского прошлого, обладания колониями.

И еще одна местная особенность — галереи с комиксами. Но если в прошлом году один рисованный лист главного классика жанра Эрже из редкой серии продавался за 1 млн евро, то на этот раз самая большая цена чуть ли не в половину меньше, но все равно на его вещь. А среди главных героев рисованных историй смелого парня Тинтина потеснил наш современник, хитрый Кот Филиппа Гелюка.

Цены удивляют не только на комиксы. Давно известно, но каждый раз думаешь, почему античные древности и средневековые редкости — что скульптура, что живопись — много дешевле искусства модернистского и современного. Небольшая, но совершенной красоты женская мраморная головка, греческая, IV в. до н. э. стоит 13 000

евро (галерея Phoenix Ancient Art), а смешной рисунок Жан-Мишеля Баския «Тесла против Эдисона» 1983 года (хит Boon Gallery) — чуть ли ни четверть миллиона. Хотя рисунков рано погибшего американца, наверное, сохранилось меньше, чем античных головок.

Но есть цены не поразительные, а надежные. На стенде Galerie Boulakia красуются две большие работы Марка Шагала суперстабильной стоимостью в три с лишним миллиона евро. Портрет Йозефа Бойса Энди Уорхола в галерее Samuel Vanhoegaerden оценен в предсказуемые 600 000 евро. К тому же всегда есть выбор для покупателя. Если в галерее Tamenaga чудесный пейзаж Альбера Марке ему окажется не под силу (425 000 евро), то почему бы ему не утешиться в Omer Tiroche, где Марке меньшего размера стоит 80 000 евро.

В этом году почетный гость ярмарки — аргентинский кинетист Хулио Ле Парка, его крупными яркими объектами украшено пространство BRAFA. Галерея La Patinoire royale поддержала тему и представила работы других художников этого же направления. Но главная ее приманка — португальская звезда современного искусства Жоана Вашконселуш. В своем роскошном помещении в городе галерея открыла ее выставку с грандиозной рукодельной «Валькирией», размером и фигурой с небольшой самолет. Этот розовый и блестящий фурнитурой объект стоит больше 600 000 евро, а комнатного формата фигурки, обвязанные кружевами, — несколько тысяч. Впечатлившись большим, хочется иметь хотя бы малое — обвязанную кружевом керамическую лягушку за 8500 евро.

Но в плане предварительной подготовки нет равных Guy Piets Gallery, у ее художника сейчас проходит выставка в Государственном Эрмитаже. На этот раз Ян Фабр показал кроме блестящих металлических скульптур самого себя, точнее, своего лирического героя, новую серию «Королевская фамилия» из цикла «Карнавал смертей». Мелкие графические листы (похожие висят в Эрмитаже) оценены в районе 30 000 евро, а на роскошные бронзовые бюсты карнавальных клоунов-королей представители галереи цены не назвали, считая свой стенд выставкой, демонстрацией искусства, пусть и на ярмарке. —

ДО 29 ЯНВАРЯ

Против течения

Книга Себастьяна Хафнера «История одного немца» — документальное доказательство того, что и отдельному человеку необязательно ломаться под репрессивной машиной

Алексей Мокроусов
ДЛЯ ВЕДОМОСТЕЙ

Русского издания книги Хафнера есть подзаголовок, отсутствующий в немецком, — «Частный человек против тысячелетнего рейха». Обычно такие дополнения не идут на пользу первоисточнику, но в случае с Хафнером сотворчество выглядит оправданным, хотя и запутывает вопрос о жанре. Это не мемуары, имена персонажей изменены, а некоторые реальные люди и вовсе поделены на двух. В то же время это не роман, хотя многие образы и сюжетные линии прописаны художественно, а стиль временами напоминает о Ремарке.

Но Себастьян Хафнер (1907–1999) решил стать публицистом, а не писателем, хотя литературный талант его очевиден. По образованию автор юрист, но после нескольких месяцев работы в берлинском суде он оставил юстицию — не только из-за вторжения штурмовиков в повседневную деятельность коллег, но и наблюдая трусливое поведение судей старшего поколения, готовых ради сохранения пенсии идти на сделки с совестью. Хафнер эмигрировал в

1938-м, уехав за возлюбленной — та была еврейкой — в Лондон, где работал обозревателем «Обсервера». После войны писал для еженедельника «Штерн», издавал книги, в том числе о Бисмарке, Гитлере и Черчилле.

«История» посвящена взрослению в Германии в 1914–1933 гг. — суровое, хотя порой и веселое время, обернувшееся в итоге катастрофой для мира. Здесь описан абсурд первых месяцев новой власти, когда возникла главная загадка века: «А где, собственно говоря, были немцы? Еще 5 марта 1933 г. большинство их голосовало против Гитлера.

Что стало с этим большинством?» С самого начала нацизм вторгнулся в частное пространство человека, пытаясь контролировать все сферы жизни, прежде всего мышление. Автор рассказывает, как в квартиру заходят штурмовики — проверить, не принимает ли врач-еврей пациентов, что уже запрещено законом, как многие видели в армии пространство, свободное от идеологии, и как ловко работала пропаганда, приватизируя прошлое, переписывая его в интересах сегодняшней власти.

Книга не увидела света при жизни автора. Незадолго до смерти Хафнер рассказал о хранящейся в столе рукописи сыну, тот издал ее в 2000 г. (в 2002-м «Иностранная литература» напечатала фрагмент книги в более строгом, чем нынешний, переводе Е. Колесова). Скептики сочли ее мистификацией, вступивший за честь отца сын подал на них в суд, представив доказательство в виде рукописи. Сохранилась также запись неопубликованного при жизни автора интервью, там говорилось и о книге. Для многих она стала важнейшей в наследии Хафнера, чтимого и читаемого в Германии и сегодня. Возможно, потому, что начало диктатуры — болезненная для любого общества тема, объединяющая множество неприятных вопросов: не только «почему» и «как», но и «кто», и «зачем» так много верноподданнического энтузиазма выказывали те, кто мог бы, в принципе, и промолчать лишний раз. Но, видимо, распирало. —

ХАФНЕР С. ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕМЦА / ПЕР. С НЕМ. НИКИТЫ ЕЛИСЕЕВА ПОД РЕД. ГАЛИНЫ СНЕЖИНСКОЙ. СПБ.: ИЗДАВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2016. 448 С.